

Иван Белов, Евгений ЧеширКо,
Елизавета Дворецкая и др.

Добро пожаловать за Кромку

Иван Александрович Белов
Ульяна Скибина
Родион Вишняков
Антон Темхагин
Анна Евгеньевна Гурова
Оксана Олеговна Заугольная
Мария Роше
Дарина Александровна Стрельченко
Александра Уба
Евгений ЧеширКо
Диана Чайковская
Элина Лисовская
Рина Солнцева
Елизавета Алексеевна Дворецкая
Сторона теней
Серия «Славянская мистика»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74629646

Сторона теней. Сборник рассказов: АСТ; Астрель-СПб; Москва; 2026

ISBN 978-5-17-185327-3

Аннотация

В старину существовали особые дни, когда живые поминали умерших и верили, что те могут вернуться в свои дома. Называли их Дедами. Но что, если потустороннее всегда было рядом? Кто смотрит из зеркала царицы? Что скрывает Лес Мёртвых? Кто приходит к старому маяку? И можно ли доверять лесному Хозяину, нечисти или самой Смерти? Четырнадцать историй о древних обрядах, суевериях, колдовстве и славянской нечисти – о том, что можно позвать, увидеть и потревожить, но цена встречи известна не всегда.

Содержание

Елизавета Дворецкая

7

Конец ознакомительного фрагмента.

48

**Александра Уба, Анна
Гурова, Антон Темхагин,
Дарина Стрельченко,
Диана Чайковская, Евгений
ЧеширКо, Елизавета
Дворецкая, Иван Белов,
Мария Роше, Оксана
Заугольная, Рина Солнцева,
Родион Вишняков, Ульяна
Скибина, Элина Лисовская
Сторона теней
*Сборник рассказов***

* * *

© Авторы, тексты, 2026

© Юлия Миронова, илл. на обл., 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

Елизавета Дворецкая

Зеркало царевны

– Замуж... Нет... Замуж... Нет... Замуж...

Малашка шла вдоль Кириллова тына, хлопая рукой по каждому колу, – пока не дойдёт до конца и последний кол не обозначит её судьбу. В холодном тёмном небе светила пол-

ная луна – Покров¹ нынче совпал с полнолунием, разве ж можно такой случай упустить? На рассвете шёл мелкий и колкий снег, и, хотя уже к полудню от него ничего не осталось, зима подала весть о скором приходе. Близилась пора сватовства и свадеб, и те из юных жительниц села Зольни, что до сих пор сидели в девках, очень хотели знать, дождутся ли сватов до Рождественского поста².

– Замуж... Нет! – с горьким отчаянием воскликнула Машка, стукнув последний кол, будто он был виноват. – Ульянка, ну что ж это такое! Опять мне нету доли!

– Скучно ты гадаешь! – со смехом ответила ей Ульянка, ждавшая у другого края тына. – Надо по-другому.

– Как?

– Как Авдотья гадала на прошлые Святки. Смотри!

Ульянка подняла руку хлопнула по первому колу:

– Молодец... Вдовец... Молодец... Вдовец...

– Удалец! – смеясь, крикнула ей из-за спины подруга Домна.

– Удалец! – повторила Ульянка. – Купец! – нарекла она следующий кол. – Кузнец!

– Ловец! – давась от смеха, подсказала Домна.

– Ловец! Э... Жнец!

¹ Праздник Покров Пресвятой Богородицы, 14 октября (здесь и далее даты даны по новому стилю).

² Рождественский пост длится с 28 ноября по 6 января, в это время свадьбы не играют.

– Слепец!

– Да ну тебя, зачем мне слепой муж! Чтец! Швец!

– Гонец!

– Храбрец!

– Лъстец!

– Певец!

– Скупец!

– Себе скупца возьми, надо мне очень! Мудрец!

Так они перебрали, сгибаясь от хохота, лжеца, глупца, гордеца, пловца, шельмеца, сорванца, юнца, пришлеца... Ульянка уже больше держалась за колья, чем хлопала по ним, а Домна шла сзади и всё подсказывала новых женихов.

– Чернец!

– Беглый, что ли? Всё равно грех!

– Это будет беглец. Не хочешь – тогда огурец!

– Это я что же, буду огурчиха? Ой, мать божья! По-мрешь с тобой!

Вперемешку перечисляя это пёстрое общество, путаясь и повторяясь без всякого порядка, Ульянка добралась до конца тына.

– Стрелец, беглец, пришлец, боец...

– Мертвец! – вдруг сказала Малашка, когда рука Ульянки зависла над последним колом.

– Да ну тебя! – Ульянка отдёрнула руку. – Напророчишь тоже!

– Всё это грех – судьбу пытаться! – так же обиженно ответи-

ла Малашка. – Отец Николай осуждает. Говорит, кто гадает, тот с самим луканькой, бесом лукавым, спознается.

– У отца Николая есть попадья! – ехидно напомнила Домна.

Все знали, что Малашка зачастила на службы к Петру и Павлу в сельскую церковь, с тех пор как прибыл на смену почившему отцу Феофану молодой отец Николай. С рыжеватыми пышными волосами, ясным лицом и приветливым взглядом, тот сразу понравился всем бабам, и даже кое-кто из девок стал провожать его глазами, хотя, разумеется, у попа имелась попадья, матушка Клавдия.

– А без гадания замуж не выйти! – продолжала Домна. – Отец Николай, что ли, тебе женихов искать будет? – понизив голос, зашептала она. – Пока сама не постарайшься, ничего тебе не будет.

– Да почему ж это?

За соседним тыном залаяла собака, встревоженная их голосами, и все три разом обернулись на звук.

– На восход! – определила Домна.

– У дядьки Терентия нет женихов!

– Какие ж деревни в той стороне? Жадино да Иводь. Оттуда ждать...

– Не, ты скажи, почему без гадания не выйдешь?

– Ты не слышала, как моя бабка Федора об этом говорила? – спросила Ульянка.

– Нет. Я её и не помню почти.

Малашка была помоложе подруг года на три, заневестилась только что.

– Да, ты ещё с малыми девчонками сидела, – вспомнила Домна. – А она, пока была жива, нас к себе по зимам на беседы пускала. Федора была бабка богатая, ей наши подношения без надобности, а только, говорит, вы мне будете летом огород полоть, и приходите, сидите.

– Да ей скучно было одной, а тут мы, – подхватила Ульянка. – Болтаем, смеёмся, она нам рассказывала много всякого про старые времена. Как она девкой была, как замуж вышла. Она сама тоже гадала тогда, – снова зашептала Ульянка. – Однажды, зим пять или шесть назад, буран был такой, что только вдоль тына пробираться, мало кто на беседу пришёл...

– Ты да я, да Катерина с Авдотьей, да Прокопова Машка, – подхватила Домна. – Больше никого не было.

– Сидим ты тихо, прядём, слушаем, как метель шумит, ветер воет, только свеча трещит, – полушёпотом рассказывала Ульянка, поглядывая на луну и звёзды. От вида полной луны на тихом небе среди тёмного, тихого села ей было страшно-вато, хотелось уйти от взгляда этого желтовато-серебряного глаза. – Баба Федора и принялась рассказывать. Она вот что говорила. – Ульянка глубоко вдохнула, собираясь с мыслями. Она поняла бабу, мать своего отца, но с трудом подбирала слова, чтобы объяснить Малашке. – Она говорила, что суженый – он не просто так у всякой девки есть. Пока так

сидишь – ничего у тебя нет.

– Это как грибы искать, – попыталась помочь Домна. – Может, и есть в бору тот гриб, что тебе назначен, да коли ты в лес не пойдёшь, он сам к тебе не явится.

– Ну, вроде того, – согласилась Ульянка, подавив смех от мысли, что жених сидит в бору, во мху, накрывшись грибной шапочкой. – Может, он где и есть, может, в Беглово или в Живоди, да только его надобно сперва зацепить и к себе притянуть, его нитку со своей связать, а тогда и сватов ждать. А цепляют – через гаданье. Тут любой способ годится, но чем точнее узнаешь, тем вернее сбудется. Если не гадать, жениху дорожку не казать, так и он бобылём промается, и ты век в девках просидишь. Или свяжетесь с другими, будете не со своей долей оба горе мыкать.

– Чтоб судьба решилась, на тот свет надо заглянуть, – опять подхватила Домна.

– Страшно!

– А ты как хотела? Волков бояться – грибов не собирать, а то ведь не гриб... – Домна да и Ульянка с ней заодно снова фыркнули, вообразив жениха-боровика. – Это судьба твоя. За неё и постараться можно.

– Анфуска вон тоже всё греха боялась – так в девках и осталась, теперь уж кто её возьмёт. А Катерина гадала, и Авдотья гадала на Святки – вот всё у них и сладилось. Я тоже буду.

Ульянка была младшей из трёх дочерей Сергея Митрофа-

новича, по прозвищу Осина. С прошлых Святков вышли замуж две её сестры. На Катерину, самую старшую, давно заглядывался Севастьян, сын богача Силантия из Ежово. Силантий всё хотел себе сноху побогаче Катерины, но летом вдруг оказалось, что некому жать: бабушку скрутил утин³, старшая невестка принесла двойню и всё болела. Силантий сказал: «Сватайтесь к кому хотите, лишь бы отдали побыстрее». На апостолов Петра и Павла⁴ Севастьяна с Катериной повенчали. Тут возликовала и Авдотья, вторая сестра: она давно водилась с Андреяном, парнем своего же села, но среднюю дочь не выдадут вперёд старшей, вот они и ждали, пока Катерина уйдёт с дороги. Андреян посватался сразу, как окончилась страда, чтоб никто дорожку не перебежал, – не он один дожидался, пока красивой Авдотье придёт пора под венец. Свадьба была совсем недавно, и подружки ещё хорошо помнили всё действо и суету, плач и причитания. А Ульянке с тех пор не давало покоя ожидание: теперь её черёд! Вот-вот для неё запоют, завеличают, впервые в жизни назовут не Ульянкой, а Ульянушкой Сергеевной!

Но кто это будет? С кем она встанет на рушник под благословение родительское?

– Мы на Святки гадали, – шептала она Малашке и Домне в тишине под Кирилловым тыном. – Верею слушали, как скрипит. Катерина услышала, будто кнутом хлопает, загоре-

³ Утин – народное название радикулита.

⁴ День апостолов Петра и Павла, 12 июля.

вала – не быть ли за пастухом, вот унылое будет житьё! А это она слышала, как будут коней погонять, когда снопы с поля повезут после её свадьбы. Авдотья услышала, будто молот бьёт, – Андрияшка как раз у кузнеца в подручных. Обрадовалась, а Катюня ей в досаде говорит: да ты придумала, чего хотела услышать, то и услышала. Та ей – нет, когда мы годом раньше кур в курятнике брали, мне чёрная попалась, а Андрияшка волосом чёрен. Катька ей: не только волосом, ещё и рожа чёрная после кузни, как у чёр... – Ульянка прикрыла рот рукой, чтобы не помянуть нечистого, – у головешки какой! А вот году не прошло, у обеих всё сбылось!

– Так а ты, – теребила её Малашка, – ты-то что услышала?

– А я... Невнятное что-то. Будто даже колокол...

– Ой! К похоронам! – вырвалось у Малашки.

– Авдотья мне говорит: быть тебе за попом! – Ульянка усмехнулась. – Да где ж у нас тут взять неженатого попа!

Все три вздохнули, помолчали.

– Машка Прокопова зовёт на росстань⁵, на воловьей коже сидеть, – сказала Домна. – Да ей Машка Савельева сказала: ни за какие коврижки, хоть озолоти меня, хоть царского сына дай – не пойду на росстань. Уж больно страшно!

– Ради царского сына я б пошла! – усмехнулась Ульянка. – Ничего тебе на росстани не сделается. Главное – не забыть хлеб, нож на кожу положить и тем ножом кругом очертиться – никто к тебе туда не войдёт. А, Малашка! – Она подтолк-

⁵ Росстань – перекрёсток в поле или лесу.

нула подругу. – Пойдём на росстани сидеть, смотри, вон и луна какая! Выслушаем себе по сыну царскому, боярскому!

– Да ты только на словах такая смелая!

– А вот и нет!

– Что же не пойдёшь?

– Я уж сколько раз... Глубоко моя судьба запряталась. – Ульянка вздохнула, вспоминая прошедшие годы, напрасные попытки выцепить судьбу. – Когда кур брали – мне рыжая с белым попалась, пеструшка, а где же такого парня найдёшь? Был в Беглово один рыжий – на тамошней женился. А ходили у прохожих имя спрашивать, как пришёл мой черёд, я выхожу, только слышу – идёт кто, рот открываю, гляжу: а это отец Николай! Я и заробела, он бы разобрал. Так и смолчала. А теперь вон...

Ульянка прикусила губу изнутри: вспомнила, что Кириллов тын, у которого они так и стояли, напороочил ей мертвеца. Не надо было так уж смеяться. Молодец, вдовец, купец, кузнец... Да кузнецов неженатых в волости вроде больше нет, а купцу приданое богатое подавай... Сергей же, хоть и был хозяином толковым и достаточным, при трёх дочерях и четверых сыновьях горы злата раздавать не мог.

Они немного поспорили, можно ли считать, что жениха зовут Николаем, если она не задала вопроса, а сама знает имя встречного. По улице прошли два мужика, с любопытством поглядели на девушек, спросили у Малашки, дома ли отец. Мужики прошли, и девушки следом тронулись дальше.

«Да ну, глупости!» – успокаивала себя по дороге Ульянка. Хотя на беседах в долгие тёмные вечера любят рассказывать всякие страсти про гостей-мертвецов, она никогда не слышала, чтобы в Зольне, или в Ежово, откуда родом мать, или в Свитони, где вышла замуж её тётка Катерина, хоть один мертвец пришёл на самом деле. Лежат они на погосте у Петра и Павла, не шелохнутся...

Три подруги шли мимо большой избы, пустой и тихой: ни дымом, ни навозом возле неё не пахло, за оконцем не мерцал свет. Перед воротами все три невольно остановились, вспоминая свой разговор. В этой избе жила когда-то Феодора Васильевна, мать Ульянкиного отца. Была она рода старинного в этих местах и богатого. Сама вырастила семерых детей, доживала век при младшем Якове, да он умер раньше неё, а вдова молодая вышла замуж в другое село. Бабка осталась одна, жить к себе никого не звала, хотя сыновья с невестками и подросшие многочисленные внуки всякий день приходили к ней работать по хозяйству. Ульянка ей чем-то полюбилась больше других, и бабка разрешала ей ещё при своей жизни выбрать что-то из платья и старых её украшений, что самой бабке уже было не нужно, для будущего приданого. Умерла она два года назад, и с тех пор изба стояла пустая. Хотели в неё переселиться и многодетный дядя Захар, и Василий – старший сын дяди Дементия, но дело не ладилось: кого сны томили нехорошие, а кого и домовый душил: не принимает, значит. Так изба и пропадала даром, а была хорошая, про-

сторная. Проходя мимо, Ульянка вздыхала тайком, вспоминая бабкины пироги и семейные застолья по праздникам, когда собиралось столько народу, что детей загоняли на печь и на полати. Она помнила, как девчонкой лет семи смотрела с печи на сватов, пришедших за младшей тёткой, окрещённой чудным именем Анимаида, и как тётя Аня, согласная на замужество, ковыряла печь⁶ прямо возле свесившей голову Ульянки. Тогда та лишь радовалась зрелищу и ещё не думала: когда же мой черёд? Ох, как давно это было!

– Сидела бы я, девушка,
Ровно двадцать лет, —

вдруг запела неугомонная Домна.

– Любила бы молодчика
Семнадцати лет...

– Куда тебе такого молодого, нельзя! – обернувшись к ней, со смехом сказала Ульянка.

– Восемнадцати лет! – поправилась Домна.

И они запели вместе:

– Такого хорошего,

⁶ Согласная принять сватовство невеста не говорит этого вслух, а принимается ковырять печь: в этом глубокий архаичный смысл, намёк на прощание с родовыми чурами, живущими в печи.

Что и в свете нет!
Личико румяное,
Ровно маков цвет.
В кафтанчик лазоревый
Миленький одет.
Глазки его ясные,
Словно самоцвет.
Как пришло мне с миленьким
Расставаньице —
Не мил мне и белый свет!

Проводив Ульянку до Сергеева двора, Малашка ушла к себе, Домна ещё немного задержалась.

— Я знаю, что была то за курица, — загадочно сказала она, когда Малашка скрылась в густых сумерках.

— Курица?

— Ну, рыжая с белым, какую ты тогда с насеста сняла. У моей тётки Ирины в Иводи есть племянник — сам рыжий, а зимой, как загар сойдёт, лицом белый, как сметана, только в конопушках...

— Ой, нет! Мне такого не надобно.

— Ой, подруга, ещё осень-зиму так просидишь, и не такому будешь рада. Чтоб только не как Анфуска... А то что-то ловля наша не ладится.

— Видно, нужно посильнее удилица. Куры, колья, петухи — вздор всё это.

— А что не вздор?

– А вот что... Говорят, самое верное гадание – это с зеркалом.

– С зер... ой, окстись! – Домна перекрестилась. – Коли смотреть в тот свет, то в зеркале он самый и есть! Отец Николай как-то говорил – попам дома зеркала иметь и запрещается, потому что оно грех!

– Мы-то с тобой не попы! А смотреть и надо в тот свет. Пока через тот свет жениху дорожку не проложишь, – чуть слышно зашептала Ульянка, – не найдёт он тебя.

– Да у нас и зеркал-то в селе ни у кого нет! Экая ведь диковина! Может, у боярынь да цариц водится. А у нас лохань с водой. И то страшно.

– Зеркало-то есть! – зашептала Ульянка в самый платок склонившейся к ней Домны.

– Да ну! – Та вскинула на неё глаза. – Где?

– Вон там. – Ульянка показала наискось через улицу на пустую бабкину избу. – У бабы Федоры.

– Шутишь!

– Нет. Она мне показывала его, нам с Катюней. Давно, мы ещё девчонки были. В ту зиму, кажись, как начали на младшие посылки ходить.

– И никто из ваших его не забрал?

– Вроде бы нет. Я не слышала. Я знаю, где баба Федора его прятала. Пойти поискать...

– Когда же? На Святки?

Ульянка заколебалась. Гадать о женихах положено на

Святки, ещё можно на Аграфену Купальницу. Покров – единственный день за всю осень, когда это тоже можно делать. Когда девицы нарядные с утра идут в церковь, ставят к иконе свечу и просят: «Батюшка Покров, покрой землю снежком, а меня женишком». Потом стоят всей гурьбой на паперти, а старухи, матери женихов, рассматривают их и расспрашивают: а эта девочка чья такая хорошенькая? Сегодня Ульянка впервые стояла там без двух сестёр, и этот разрыв казался невыносим, будто с каждым днём она отстаёт от них всё сильнее. На что угодно решишься, лишь бы скорее и своя судьба сыскалась! А ждать Святки – когда ещё они придут!

– Я сейчас пойду! – объявила она Домне, спеша сказать вслух и отрезать себе путь назад, пока не покинула её отчаянная смелость.

– Да ну ты что! – Домна схватила её за рукав.

– Самое время! – Ульянка показала на луну. – К полуночи.

– Тебя дома хватятся!

– Нет, мои все у дядьки Дементия гуляют. Я в полночь погадаю и домой раньше приду. Никто не узнает. Пойду сейчас ключи возьму, пока нет никого.

– Да ну ты что... – растерянно повторила Домна.

Не слушая, Ульянка толкнула калитку, мимо двух довольных её появлением псов прошла на крыльцо, скрылась в избе. Домна постояла, покачала головой и тронулась восвояси. Подумала, не пойти ли ей тоже, но только перекрестилась. Тётка Ирина рассказывала, у них в Иводи одна девка гадала,

со свечой в воду глядела, а оттуда высунулась рука – чёрная, мохнатая – да её в лохань потянула – чуть не утопла, только и спаслась, что лохань сумела опрокинуть... И, говорила, тянет меня, а передо мной уж не лохань, а омут бездонный... Лучше век в девках просидеть, чем этикие страсти!

* * *

Старые бабкины ключи хранились за божницей – от ворот, от избы, от двух-трёх сундуков. Жили богато, было что украсть, и дед, Митрофан, позаботился, заказал замки ещё старому кузнецу, деду Митрию. Ульянке даже не пришлось зажигать огонь в избе, чтобы найти связку на кольце. С непривычки связка показалась очень тяжёлой. Ульянка засунула её за пазуху и поспешила вон, пока и правда кто из домашних не увидел.

Кожух на груди оттопырился, будто там курица. К счастью, перед избой никого не было, только у дальнего двора переговаривались двое. Даже Домна ушла, но Ульянка была тому и рада. Удастся её дело или нет – лучше без видоков. А будет что рассказать – завтра и расскажет.

Прячась в тени у дворов, Ульянка вернулась к бабкиной избе. Пользоваться ключами ей никогда не приходилось, она только видела, как баба Федора иной раз отпирает сундуки, и примерно помнила, от чего какой ключ. Озиралась воровато, боясь, что пока будет подбирать ключ от ворот, кто-ни-

будь её заметит. Но ей повезло: ворота оказались закрыты, но не заперты. Видно, кто-то из дядьёв заходил и так оставил. Скользя во двор и притворив за собой воротину, Ульянка перевела дух: теперь её уже никто не застучает, кому здесь быть в такую пору. Даже не стала прислушиваться, как скрипит верёя, на что похоже? И правда – вздор весь этот скрип, лай, куричьё клевание.

Старый двор деда Митрофана был просторным – спереди изба с крыльцом и двумя оконцами, за ней более низкая клеть, дальше хлев и курятник, а вдоль них тянется длинный двор, где ещё на памяти Ульянки было не пройти от разной живности. Теперь здесь ни одной живой души: даже мыши, пожалуй, разбежались, поживиться им больше нечем. Держась ближе к стене, чтобы не выходить на лунный свет, Ульянка подошла к крыльцу. Поднялась, стараясь ступать как можно легче, но всё равно старые ступени закрипели. «Мертвец!» – вспомнилось глупое гадание у Кириллова тына, и морозом пробрало. Казалось, кто-то невидимый ждёт в тени на крыльце, прячась от лунного света, – невидимый и недобрый. Она скрылась в тень, стала подбирать ключ. Сноровки в этом деле у неё не было, ключи то не входили в тяжёлый, холодный, как лёд, навесной замок, то не поворачивались. Руки застыли от холодного железа, пальцы болели. Ульянка уже думала бросить это дело – ну не выходит! – и только упрямство держало её на месте. Стыд какой – пошла смотреть в тот свет и не сумела войти в избу! Пусть об этом

знает одна Домна, да и не перед подругой будет стыдно, а перед самой судьбой. Если она не доберётся до дела, то утратит дух навсегда, даже ждать женихов перестанет.

Ульянка прервала попытки, потёрла пальцы, разминая и согревая, отдохнула немного, прислушиваясь, но в селе было тихо, только вдали перелаивались псы. Подул ветер, зашвистел над кровлей, и Ульянка снова взялась за дело.

Щёлк! Замок, внезапно открывшись, выпал из петли, Ульянка не успела его подхватить, и он тяжело бухнулся на деревянный пол крыльца. Охнув, Ульянка спешно подняла его, будто этим могла унять шум. Подождала, замирая от страха: что, если сосед, дядька Ефим, услышит, решит, что воры лезут в пустой двор, да и прибежит с дубьём и собаками, громко призывая Митрофановых сыновей...

Но никто не услышал – шум ветра поглощал все звуки. Ульянка торопливо потянула дверь, прыгнула через порог и закрыла дверь за собой.

Постояла, прижимая к груди замок, с которого свисала тяжёлая связка ключей. На ощупь положила её на край лавки. Ощувив себя в безопасности, перевела дух – уж если раньше её никто не перехватил, то теперь бояться нечего. Даже если кто из домашних заметит, что её нет, то подумают, что у подруг сидит, искать её в пустом доме покойной бабки никому в голову не придёт.

Отдышавшись, Ульянка собралась с мыслями. В избе застоявшийся воздух пах влажным и затхлым, но после ветра

снаружи здесь казалось почти тепло. Надо света. Не в темноте же шарить по сундукам. Да и для гадания нужна свеча. До мелочей зная бабкино хозяйство, Ульянка легко нашла огниво, запалила сперва лучину, выбив искру в сажу на чело печи, а потом, когда избу осветил маленький огонёк, отыскала и пучок слипшихся грязно-жёлтых свечей. Ещё от бабки остались. Нужны свечи – лучина слишком быстро прогорает, не даст времени взглядеться...

Бабкины хорошие подсвечники забрала тётка Анисья, Дементьева жена, и Ульянка прилепила свечу к дощечке. Теперь сундук. Она медленно, внимательно оглядела два больших сундука на стене и укладку на лавке, под покровцем бравого тканья. Стала вспоминать. Если бабка ничего не переменила, то должен быть вон тот сундук, дальний. Подошла к нему, поставила свечу на плоскую крышку – когда-то на этом сундуке спали дети Федоры – и присела рядом со связкой. Здесь дело пошло легче: замки и ключи на сундуках были поменьше. Всего с третьей попытки замок мягко щёлкнул, и Ульянка почти уверенно вынула дужку из петли. Отложила в сторону и, поставив свечу на пол, подняла крышку. Только бы оно оказалось здесь...

Из сундука ударил дух застоявшихся трав – терпкий, немного пыльный запах полыни, зверобоя, пижмы. Наверху лежало полотно. Ульянка сняла его, нашла два-три старых сарафана и поношенный шушун: на это никто из тёток не позарился, но и бедным не отдали. Вынутую одежду она береж-

но складывала на лавку, мысленно держа ответ перед бабкой, которая могла бы обидеться, если бы её пожитки швыряли на пол.

С каждой вынутой вещью усиливался холодок в груди: а что, если его здесь нет? Кто-то из тёток тайком забрал дорогую вещь, никому не сказав, чтобы не собачиться. Или сама бабка его кому-нибудь отдала, продала... Перепрятала... Или оно вовсе померещилось Ульянке? Она добралась до самого дна, когда, вынув старую, в пятнах от застолий, слежавшуюся тяжёлую скатерть, увидела под ней ещё один предмет – величиной и очертаниями напомнивший напрестольное Евангелие в церкви у отца Николая.

Сердце оборвалось. Ещё не прикоснувшись, Ульянка поняла: оно.

Сглотнула, постояла, надеясь, что уймётся бешеный стук сердца. Казалось, баба Федора стоит за плечом и сурово смотрит, как внучка без спроса роется в её сундуке и хочет взять самую дорогую вещь из всего семейного добра. Ульянка вдруг сообразила: баба Федора сама никогда не смотрелась в это зеркало и не дала его в приданое ни одной из дочерей или старших внуков. Даже Анимаиде, своей любимице, для которой была готова и последние серьги из ушей вынуть. Неспроста же?

Но отступить было поздно. Она слишком далеко зашла. Теперь, когда дело уже в руках, испугаться, отступить? Что сказать завтра Домне? А самой как жить, помня, что застыла,

как на краю проруби, перед самым решением судьбы?

Ульянка осторожно коснулась плотного серого полотна, потом, перекрестившись, всё же взяла в руки лежащий на дне плоский предмет. Он оказался очень тяжёлым, но этому она не удивилась. Прижав к груди – ещё не хватало уронить! – перенесла на непокрытый стол, потом сходила назад за свечой и поставила её так, чтобы она освещала нужное место, но не капала воском.

Ещё раз глубоко вздохнув, Ульянка развернула полотно. Складки слежались – видно было, что его не разворачивали много-много лет.

И вот... То, что таилось под полотном, и впрямь напоминало Евангелие, только верхний край у него был в виде луковицы, как купол церкви. Верхнюю поверхность составляли две половинки, закрытые наподобие ставень на окне. Ульянка не удивилась бы, если бы они тоже были заперты на замок или запечатаны. Даже успела вообразить своё разочарование, если бы всё же не удалось добраться до главного.

Взявшись за створки, она потянула. Сперва они не поддались, и Ульянка подумала, что на них всё же есть скрытый замок, тайная печать или заклятье, которого и не увидишь. Но створки дрогнули, и она, приложив большее усилие, подняла их.

Теперь «книга» напоминала плоское квадратное блюдо, в которое налита на дно вода. В квадратном отверстии широкой, с ладонь, резной и крашеной, красной с позолотой, ра-

мы тускло блестело серебро. Словно лёд, только, о чудо, он не тает.

Помня, как делала бабка, Ульянка осторожно подняла загадочное сокровище и поставила на стол. Замерла, едва дыша. Перед ней оказались как бы ворота с распахнутыми створками, служившие опорой, а между ними мерцало... Да, оно самое. Оконце на тот свет в резном наличнике под кровлей-луковицей. В тускло блестящий срединный квадрат Ульянка пока не решалась глянуть – казалось, один взгляд увлечёт тебя в эту холодную глубину. Она посматривала туда краем глаза, готовая тут же схлопнуть створки, если появится тот... Та... То, о чём рассказывала баба Федора...

Сказку эту в семье знали все, да и прочие зольнинские о ней слышали. Баба Федора говорила, что слышала её от своей бабки Ксении. Молодёжь на беседах любит «страшное», и Ульянка слушала эту сказку столько раз, что помнила во всех мелочах.

– Жил-был один бедный парень, звали его Иван, прозвище Бездольный. – Ясно вспоминался ей неторопливый голос бабы Федоры, удивительно звонкий для такой старой женщины. – И ничего-то у него в жизни не ладилось. От бедности ни одна девица в деревне за него идти не хотела. И вот прослышал он раз, что царь свою дочку, Аглею-царевну, замуж выдаёт и всех неженатых парней зовёт, чтобы себе зятя выбрать. Он и думает: пойду, нигде мне счастья нет, может, там будет. Посмеялись над ним в деревне, а он не послушал

и пошёл.

Вот пришёл он в град-столицу, а там и объявляют: царица наша всех на свете прекраснее, и выйдет она за того, кто принесёт ей в подарок нечто такое же красивое, как она сама. Были там женихи разные: бояре родовитые, купцы богатые, воеводы храбрые. Стали они нести ей подарки: и каменья самоцветные, и платье шёлковое, и птиц заморских, и блюда золотые – чего только не было, и перстней да серег – что песку морского. А она смотрит и только головой качает. Взгрустнул Иван, говорит себе: где уж мне тягаться с ними. Не вышло моё счастье, пойду домой. Пошёл через лес да и заблудился. Скитался долго по лесам, набрёл на пустую избушку, дай, думает, переночую. Зашёл, лёг на печку. Только стал засыпать, слышит из угла стон тяжкий и голос печальный. «Слышишь, Иван! – голос говорит. – Триста лет сижу в рукомойнике, печать на меня наложил некий старец святой, что здесь жил, я измаялся весь. Вызволи меня, я тебе чем хочешь услужу». Встал Иван, подошёл к углу, видит – там рукомойник, а на нём печать восковая с крестом. Снял он печать, ничего не увидел, а только слышит голос уже возле себя: ну, говорит, теперь я на воле, говори, в чём нужда твоя. Иван отвечает: так, мол, и так, искал такое диво, чтобы было красотой равно царской дочери, да разве ж есть на свете такое? Голос отвечает: эка невидаль! Вон в углу сундук, открой. Иван послушался, нашёл сундук, открыл. Там вроде ларчика плоского, а весь резьбой изукрашен, с позолотой, с

каменьями. Нет, говорит, ей куда красивее ларцы приносили. Ничего, голос говорит, иди с этим смело к царевне, дай ей и вели открыть. Будет она твоя. Ладно, думает Иван, двум смертям не бывать. Взял ларец и пошёл к царю. Показал царевне. Она тоже было посмеялась, а он ей: открой. Открывает она, видит – из ларца на неё вроде девица смотрит, да такая красивая, вся шелками и золотом убрана. Царевна – ах, руку к ней тянет, а девица к ней. Тут и понимает царевна: да это же я! Отражение моё! Тут и Иван смекнул: ты сама, говорит, красотой себе равна, стало быть, я условие выполнил.

Не очень хотелось царевне за бедняка выходить, но не могла она сказать, что сама себя плоше, – и согласилась. Стал Иван царским зятем, народились у них дочери, потом внучки, тоже все в то зеркало смотрелись, в приданое его получали. Одна внучка Иванова, Марфа-царевна, подарила зеркало другу сердечному, жениху своему, князю Василию, и чары наложила: как он в зеркало посмотрит, её увидит. Уехал он на войну, а как заскучает, откроет ларчик и видит Марфу-царевну – улыбается она ему, кивает, смеётся. Однажды он открыл, а она грустная на него смотрит, слёзы катятся по личику белому. В тот же день случилась сеча лютая, убили князя Василия басурмане, а потом и весь стан его разорили, все пожитки разграбили. А зеркало из одних рук в другие переходило, пока бабкин дед, Илья Трофимыч, его в Персидской стороне на базаре не купил. Домой привёз, дочери своей в приданое, Авдотье Ильиничне, отдал. От неё оно к

её дочери попало – Ксении, а от неё к моей матери, Фетинье Михайловне. Да только... Редко они смотрелись в него. Говорили, как откроешь – первым делом видишь девицу незнакомую в царском венце. Если улыбается – к добру, а хмурится – к худу. Один раз пальцем погрозила – на другой день у бабки моей сын меньшей, Фролка, утонул. С тех пор она зарок положила его открывать.

– Кто же та девица? – в нетерпении спрашивали слушатели.

– Никто не ведает. То ли Аглея-царевна, то ли Марфа-царевна – кто же знает... А может... И вовсе... Иродиада сама... – прикрыв рот ладонью, шептала баба Феодора, – Чёрная Царица адова, Сатаны служанка.

Дух захватывало от страха, но все понимали, почему в семье хранят эту вещь, – уж очень дорогим выглядело зеркало, и без того редкая диковина: сразу видно, такой вещи только в царских палатах место. Так оно и лежало – и смотреть в него страшно, и избавиться от него руки не поднимаются...

Ветер ненадолго утих, и сквозь закрытые ставни до уха Ульянки донёсся крик петуха – со двора бабкиного соседа, дядьки Ефима. Полночь! Ульянка вздрогнула и заторопилась: душа будто пустилась бегом. Упустит время, и все труды напрасны! Домна её засмеёт...

Дрожащими руками она передвинула свечу. Хотела перекреститься, но вспомнила: нельзя, гадание не выйдет. Такое уж это дело, не зря его отец Николай грехом называет.

– Суженый, ряженный... – зашептала, глядя, как отблески свечи ложатся на тусклую поверхность зеркала, – приходи ко мне... Повидаться. Покажись... Удалой молодец, какой ты хороший... Что в свете нет!

Одновременно пыталась вспомнить, что надо сказать, когда жених покажется. Не вспомнила и отмахнулась: как будет время, так вспомнится. Главное, как увидишь его, не смотреть долго, а скорее погасить свечу. Иначе... Иначе беда...

В тускло блестящем стекле отразился силуэт – по виду женский. Поначалу Ульянка приняла его за собственное отражение – зеркало же, но тут видение прояснилось, и она увидела вовсе не себя! Красивая девица с властным и немного хищным лицом, в золотом платье с самоцветным оплечьем, в высоком венце, с длинной чёрной косой, змеящейся по груди вниз, смотрела прямо на неё и видела её через стекло. Ульянка ахнула от испуга, хотела отшатнуться, но тут же сообразила, кого видит. Царевну. Одну из прежних хозяек колдовского зеркала.

Поймав взгляд её расширенных от ужаса глаз, царевна улыбнулась ей и подмигнула. Лёгким движением руки указала себе за спину, – смотри, мол, и ушла в сторону, открывая вид.

Поначалу в зеркале было темно, лишь мелькал отражённый огонёк свечи. Сердце Ульянки стучало с болью, обрываясь, – гость с того света приближается. Вот теперь всё случится. Она увидит его в зеркале, а потом он явится и во пло-

ти. Кто он? Знакомый или совсем чужой? Мельком подумалось: вот бы Иларион, сын Прокла из Ежова, парень красивый и справный, но эту мечту Ульянка сочла несбыточной: ей желать Илариона, это как дитяте мечтать о медовой коровке величиной с настоящую. Прощка с того конца села тоже неплох, толковый, старательный, не ветер в голове... И за Арсюшку из Свитони она пошла бы – знала его мало, но парень весёлый, во всех играх молодецких заводила, с таким не соскучишься...

Пока её мысль лихорадочно металась между желаниями, в оконце того света меж резных крашенных ставень совсем потемнело, а потом опять прояснилось. И все мысли исчезли: Ульянка различила в стекле движение. Теперь она уже и не смогла бы отвести глаза, даже если бы хотела: некая сила сковала её и держала. Она ощущала себя во власти этой силы, и это было страшно, но зато взор её, проникший за грань того света, ясно видел лесную дорогу между большими соснами...

Где же это? Такого бора вроде нигде поблизости нет... По дороге идут люди... Какие-то бородатые мужики, одежда потрёпана, лица угрюмые, движения усталые... Разбойники какие-то! Какие ж это женихи! В одном-другом лице она приметилла что-то знакомое, но это были уж точно не те, с кем она хотела бы встать на рушник!

Мужики проходили один за другим и исчезали. Два, три... Вот ещё один, и сердце дрогнуло: это был молодой па-

рень, без бороды. Она ясно видела его лицо: обыкновенное, но даже вполне красивое. За спиной котомка, на поясе... Сабля в ножнах. Сабля! Он что, солдат? Стрелец, боец...

Парень подходил всё ближе, Ульянка уже могла разглядеть каждую черту его лица. Правильные черты, высокий лоб с морщинами, какие чаще видишь на лицах у пожилых, на лоб падает из-под шапочки клок светлых волос. Глаза округлые, небольшие, глубоко посаженные, над ними светлые брови крутой дугой. Ровный нос, в углах рта складки, что придают парню вид взрослого, опытного человека.

Ульянка смотрела, не в силах оторвать взгляда. Парень, совершенно незнакомый, был хорош собой, но сильнее красоты её захватило убеждение: да, это он, её суженый. Пусть она ещё его не знает – они уже связаны.

Он всё ближе. Она смотрит в зеркало, и оттого кажется, что эта дорога – у неё за спиной и парень приближается со спины. Шаг за шагом... Вот-вот она услышит позади его шаги! Нужно отвернуться, погасить свечу, сказать... Что-то сказать... Чур меня... Ну, ещё немного! Её тянуло к этому парню, хотелось к нему прикоснуться, заглянуть в глаза. Крикнуть: я здесь! Но подать голос Ульянка сейчас была так же мало способна, как взлететь.

Его лицо заняло уже почти весь квадрат зеркала в резной раме. И вдруг... Парень, до того глядевший на дорогу, поднял глаза. Их взгляды встретились. Ульянка в первый миг обрадовалась, но тут же радость сменилась ужасом чувства,

что она попалась!

Лицо парня, до того замкнутое и равнодушно-усталое, как бывает в долгой дороге, когда уже и не до разговоров, вдруг изменилось. Глаза распахнулись, в них загорелся гнев. Ульянка знала – нужно отвернуться и погасить свечу, но холод сковал жилы, она не могла двинуться.

Парень взмахнул рукой. Ульянка не успел увидеть, как он выхватил саблю из ножен – но эта сабля уже была занесена над её головой! Чувствуя, что сама себя затащила на гибель, она вскинула правую руку и невольно ухватила за конец сабельного клинка, а второй рукой сшибла свечу со стола.

Обрушилась тьма. Не удержав равновесия, Ульянка опрокинулась назад и упала со скамьи. Больно ушиблась и, слава богу, вернулась в явь.

Полежала в полной темноте, пытаюсь понять, что произошло и с чем она осталась. Сердце бухало в груди так, что вот-вот могло проломиться наружу. В руке было зажато что-то плоское и твёрдое. С трудом сев и разжав пальцы, Ульянка обнаружила нечто похожее на обломок косы.

Пресвятая Богородица! Сабля! Сабля высунулась из зеркала и едва её не зарубила! Говорят же: не смотри долго, это опасно! Глянула – и гаси! А она всё таращилась... Как та девка, которую чуть в лохани не утопили... Вот дело – стали бы её родные искать да и нашли бы в бабкиной избе, на полу с разрубленной головой!

Наконец Ульянка собралась с силами, чтобы встать с по-

ла. Положила обломок сабли на стол, стала складывать зеркало и снова ахнула: на гладкой поверхности стекла появилась трещина сверху вниз.

Ощупав её дрожащими пальцами, Ульянка в темноте так испугалась, что чуть не заплакала. Зеркало с трещиной, говорят, совсем в доме держать нельзя – через ту трещину тот свет и выходит! Но что же она сделает? Не её зеркало, не ей им распоряжаться. А сознаться отцу с матерью – да ни за что! Бежать отсюда поскорее, да и всё!

Не смея больше зажечь свечу – как ни странно, в темноте Ульянке казалось безопаснее, – она сложила зеркало, завернула, мелкими шажками, прижав его к груди, отнесла в сундук, положила на дно, туда же сунула обломок сабли со стола и закидала бабкиными пожитками. Не особенно старалась уложить как было – да кто станет их проверять? Закрыла сундук, кое-как заперла и выскочила из бабкиной избы. С дверным замком едва совладала – от всего пережитого руки ослабели и не слушались. Только страх быть застигнутой придал Ульянке сил, и она успела проскочить домой, спрятать бабкины ключи опять за божницу и лечь.

Когда родичи, хмельные и весёлые, вернулись от дядьки Дементия, Ульянка лежала на печке, забившись в глубину, и притворялась спящей. Мать только проверила, что последняя дочь на месте, и все тут же улеглись.

Утром Ульянка, едва проснувшись, ощутила боль в правой ладони. Сошла с печи умываться и при свете лучины обнаружила на ладони длинный кровавый порез. Когда заметила мать, пришлось соврать: мол, в сарае была, коса со стены сорвалась, чуть по голове не задела, отбила, не думая, вот, поранилась... Мать обмыла ладонь травяным отваром, велела идти к бабе Матрёне – пусть пошепчет. Но Ульянка не решилась показываться на глаза сельской знахарке и, перевязав ладонь чистым лоскутом, понадеялась, авось так заживёт.

Всё случившееся ночью расплывалось в памяти. Она помнила и сама не верила, что ходила в избу бабы Федоры посмотреть в зеркало царевны, что даже кого-то видела... Но, вглядываясь мысленно в эти воспоминания, ощущала такую жуть, словно пихают её в ледяную прорубь, и сама гнала память прочь и шептала запоздалое «чур меня».

После Покрова снег начал идти чаще. Прошли Кузьминки⁷ – девичий праздник, но Ульянка, хоть и принимала участие во всех застольях и играх, душой была будто не здесь. На расспросы Домны она ответила, что гадать ходила, свечу зажгла, в зеркало царевны смотрела и красивого парня вроде

⁷ День памяти чудотворцев Космы и Дамиана, 14 ноября.

видела, но помнит плохо. Про саблю даже и не заикнулась и старалась её забыть. Пережитое в бабкиной избе ей казалось страшным сном, и даже глупо было принимать этот сон на веру. Но с тех пор она жила с одним чувством – ожиданием. А может, обречённостью. Это было странное ожидание: Ульянка твердо знала, что желанное ей сбудется, но радоваться мешало чувство неизбежности. Оно сбудется не по её желанию, а по воле чего-то иного, куда более сильного. Она уже не может избежать той судьбы, что на себя накликала. Ульянка пряла на посиделках в избе теперь уже у бабки Матрёны, куда все приносили то пару яичек, то репы, то каравай в уплату за пристанище. Она делала то же, что и все, но мысленно уже была не с подругами. Прежняя её жизнь кончилась, призрачная сабля отсекла её безвозвратно.

Близились Никольщины⁸, когда из Ежова принесли весть: ратники с войны возвращаются! Года три назад из волости забрали человек двадцать молодых мужиков воевать с басурманами, и с тех пор от них не было вестей. Сказали, и ваши тоже есть. На войну ушёл и Фёдор, младший дядя Ульянки, и теперь его жена, Акулина, бегала по селу сама не своя.

На Саввин день⁹ они и пришли в село: дядька Фёдор со шрамом возле глаза и ещё трое. Двое были свои, а третий незнакомый.

⁸ Большой народный праздник, день памяти Николая Чудотворца (Никола Зимний), 19 декабря.

⁹ День памяти преподобного Саввы Освященного, 18 декабря.

– Это товарищ наш, вместе воевали, вместе домой пришли, – объяснил Фёдор изумлённо взиравшим на него родичам, уже немного хмельным в честь близкого праздника. – Сирота он, идти некуда, я ему и сказал: давай со мной.

– Как тебя звать-то, молодец? – спросила тётка Анистья.

– Лукьяном. – Молодец взглянул на неё из-под клока светлых волос, упавших на высокий и широкий лоб. – А прозвание мне – Бездольный. Хожу по свету, сколько себя помню, может, здесь Бог даст мне доли.

– Ну, живи, коли тебе Бог повелел, – ответил ему дядька Дементий. – Нам работники пригодятся. Ты умеешь чего? Или только воевать?

– Всяким делом заниматься приходилось. За скотиной могу ходить, сбруи делать, пасти, ковал немного...

Родичи расспрашивали, Ульянка стояла за спинами отца и братьев. Парень ей приглянулся: грязный, усталый, видно, что жизнью побитый, он был недурён собой и смотрел уверенно. Вот он глянул мимо Сергея и Захара, взгляд его упал на Ульянку. Задержался и вроде как немного потеплел: девка-то она была красивая, коса русая до пояса, одета и причёсана опрятно. Сердце оборвалось: хоть и говорит, что чужой здесь, но она где-то уже видела эти глаза – небольшие, глубоко посаженные, округлые, под светлыми бровями крутой дугой... Вновь накатило чувство неизбежности. Хочешь ты, не хочешь – звала судьбу, вот она явилась, отворяй ворота...

Назавтра пришли Никольщины, всё село охватило весе-

лье, ради которого даже Рождественский пост нарушается: нельзя не почтить Николу Чудотворца. Во всяком доме было пиво, брага, пироги. Молодёжь набивалась в избу Матрёны, и свои, и гости из ближних деревень, но за пряжу девки и не брались, а только делали себе наряды на Святки, пели песни да играли в разные игры. Как совсем стемнело, затеяли играть в тархана. Тарханом предложили быть Лукьяну, и тот легко согласился. Он, хоть и сдержанных повадок, оказался довольно общительным и ни от чего не отказывался: ни от любой работы, ни от веселья. Парни приволокли сани, девки – большую шубу, что осталась от рослого деда Митрофана. Лукьяна закутали в шубу и положили в сани лицом вниз, чтобы ничего не видел, «как мёртвый». Сани потащили от Матрёниной избы по селу, остановились возле Захарова двора.

– Тархан, Тархан! – запели девки, плотным кругом облепив сани. – Куда усом поведёшь, там невесту найдёшь!

Высунув руки из-под шубы, Тархан вслепую повёл ими вокруг себя – и ухватил Ульянку за ногу. Она взвизгнула и дёрнулась, но Тархан держал добычу крепко. Все вокруг смеялись, Тархан приподнялся, сбросив шубу, и увидел, кого поймал. По лицу его промелькнуло ликование, и Ульянке стало весело на сердце. Теперь он стал вроде как её «женихом» – это не настоящее обручение, но они имели право всю зиму водиться на играх вместе.

Лукьян выпустил ногу Ульянки, встал и подошёл к ней.

– Ишь какой ловкий! – кричали вокруг. – Самую лучшую девку выцепил!

Другой парень повалился в сани и закутался в шубу, и нового Тархана повезли к следующему двору. Ульянка побежала следом вместе со всеми, но теперь Лукьян держался возле неё, и ей от этого было радостно.

В эту зиму они виделись часто: то Лукьян заходил в Сергееву избу, то Ульянка заглядывала к дяде Фёдору, где пришелец пристроился, но чаще они встречались на посиделках. Во всех играх с выбором они выбирали друг друга, в играх в женитьбу батька с мамкой, не спрашивая, назначали их в пару друг другу и велели целоваться. Однажды, уже на Святках, Ульянка и Лукьян оказались зажаты в углу набитой людьми горницы.

– Хорошая-пригожая, – как недавно в игре, спросил Лукьян, наклонившись к самому ее уху. – Пойдёшь за меня?

От его дыхания, касавшегося волос, у неё сладко замирало сердце.

– Дай подумаю! – не подавая вида, игриво ответила Ульянка. – Кто же меня отдаст за тебя – ты пришлый, у тебя нет ничего. Ещё, пока себе на хозяйство заработаешь, я поседею, как бабка Матрёна!

Эти мысли немало её мучили: ей нравился Лукьян, и глаза его казались такими знакомыми, что она не сомневалась – именно он ей явился в том странном сне про зеркало царицы. Но кто же отдаст её, дочь хорошего хозяина, из хоро-

шей семьи, за пришлого голодранца? Что у него есть, кроме одежды, что на себе, да старой сабли? Эту саблю он хранил в Фёдоровой избе, вместе со своими немногочисленными пожитками. Парни не раз просили показать, да он отнекивался: мол, сабля нехороша, её бы перековать.

Сестра, умная Авдотья, не раз говорила Ульяновке: ты с этим бродягой ещё одну зиму даром проводишься, не идти же тебе за него! Только место занимает, хороших парней отгоняет! «Хорошие парни» из Зольни и Ежово тоже беспокоились, что пришелец трётся возле последней из Сергеевых дочерей: девка сама красивая, дельная-рукодельная, и к тому же между матерями и тётками жило убеждение, что самое лучшее из глубоких сундуков покойной Федоры припасено для любимой её внучки. Пытались было Лукьяна отгонять, но он был нрава неробкого и не дурак подражаться. Среднего роста, он не казался на вид силачом, но стоило ему учуять вызов, как в его светло-серых глубоких глазах появлялась холодная, презрительная решимость. Он будто мигом из простого парня превращался в иное существо: быстрое, очень опасное и безжалостное. Случилась всего пара драк. Обе быстро закончились его победой, и больше никто его прав не оспаривал.

Но к чему всё это приведёт? Ульяновка не могла и надеяться, чтобы родители согласились её отдать за пришельца без полушки за душой.

– Ну а если отдадут, – зашептал он, – ты пойдёшь?

– Сперва родителей моих уговори, тогда я ответ дам. – Она лукаво стрельнула в него глазами. – А то что о важном деле попусту болтать?

Больше они о том не говорили, пока не прошло Крещение¹⁰. Девки собрались гадать у проруби, но Ульянка с ними не пошла: мысль о гадании почему-то внушала ей отвращение, она даже поддерживала речи отца Николая, что, мол, это грех. И Лукьян – о ком ей гадать, когда вот он, здесь? Даже боялась, что гадание укажет на какого-то другого.

После Крещения, вернувшись однажды от проруби с двумя вёдрами воды, Ульянка застала дома родителей с вытянутыми от удивления лицами, а под матицей расселись бабка Матрёна и дед Евсей, нарядные, будто к обедне. Ульянка застыла у порога, в изумлении вытаращив глаза. Матрёна и Евсей сели так, как садятся в избе невесты сваты, но они друг другу никто, да и сына-жениха ни у кого из них нет.

– Доченька! – Мать, Прасковья Максимовна, шагнула ей навстречу и всплеснула руками. – Тут дело такое... – Она неуверенно оглянулась на мужа. – Нам и невдомёк... А у тебя судьба сладилась...

– Пришли вот люди... – отец указал на Матрёну и Евсея, – сватают тебя... за Лукьяна Бездольного.

– Напрасно он такое прозвище носит, а доля-то у него и есть! – живо подхватил дед Евсей. – Будешь за ним жить богато, не сомневайся, девка!

¹⁰ Богоявление, или Крещение Господа – 19 января.

– Богато? – Ульянка вытаращила глаза.

Она знала за Лукьяном кое-какие достоинства, но не богатство.

– Вот, гляди!

Отец указал ей на стол. Ульянка подошла и ахнула: на столе, на платке с мятыми углами, было рассыпано десятка три золотых червонцев. Хлопала глазами, не веря. За всю свою жизнь она червонцев видела всего два-три, и то чужих.

– Это его, Лукьяново! – подтвердила Матрёна. – Пришёл ко мне вчера и говорит: так, мол, и так, нету у меня ни крёстного батюшки, ни родной тётушки, некому за меня девицу посватать, прошу тебя, будь мне матушкой. Я говорю: к кому же свататься? А он: к Сергею Митрофанычу. Я говорю: Сергей хозяин справный, за бедного жениха не отдаст. А он: я не бедный, имею кое-что. И узелок мне на стол – плюх! А узелок: дзинь! Развязал – у меня глаза на лоб! Откуда ж, говорю, такое богатство? А он: в дальних краях, говорит, клад сыскал ненароком. Я, говорит, сирота, вот мне и далось. А это и правда: сиротам клад даётся, так и есть... Ну, я говорю: зови Евсея. Вот мы и к вам. Как водится, Сергеюшка, пришла пора отставать вашей серой утке от стада лебединого...

– Что скажешь, Ульянка? – обратился к дочери не менее изумлённый отец.

– Я...

Беспомощно оглянувшись, Ульянка устремилась к печке,

припала к ней. Остро ощутила понимание, почему все девки в её положении льнут к сосредоточию семейного тепла, силы и памяти. В предчувствии расставания, начала новой жизни, а та какой будет – кому же знать?

Весть об этом сватовстве мигом разнеслась по Зольне. К Сергею набилась вся родня, позвали Лукьяна. Дементий, как глава большой семьи, хмуря густые брови, стал расспрашивать: истинно ли клад? Про клады-то разговоров много, а чтобы правда кто горшок золота нашёл – такого не слышно. Уж не разбоем ли добыто богатство? Спрашивали Фёдора, ручается ли он за парня, которого сам привёл в село. Фёдор уверял, что знает Лукьяна года три и тот человек надёжный. Бабы о нём говорили хорошо: работающий, вежливый. А что пришлый – ну, даст бог, приживётся. Закончили обручением, девки стали собираться к Ульянке на девичник.

И вот она дождалась: на преподобного Антония Велико-го¹¹ Сергей и Прасковья благословили образом преклонившую колени дочь идти венчаться, а на пиру после венчанья хмельные гости пели, прославляя Ульяну Сергеевну с Лукьяном Иванычем...

Под жильё молодым отдали избу бабы Федоры. На Лукьяновы деньги стали обзаводиться хозяйством, на Троицкой ярмарке у Ильинского монастыря купили хорошую лошадь, корову, овец и поросят, набрали разной привозной утвари. Когда гуляли всей роднёй по ярмарке, Катерина потащила

¹¹ 30 января.

Ульянку к лавке с разными заморскими товарами и показала маленькое, с ладонь, зеркальце в рамке: мол, скажи мужу, пусть купит тебе, новые серёжки да бусы рассматривать. Но Ульянка нахмурилась: сама мысль о зеркале показалась неприятной, пугающей.

– Нет, нет! Грех это! Пойдём! – И потащила сестру прочь, пока муж не увидел их здесь.

В работах пролетело лето, на двоих в доме дел нашлось невпроворот. Жали, молотили, пекли новый хлеб. Всё было хорошо, жили богато и дружно, муж Ульянку не обижал, но ожидаемой радости она не получила. Сама себя спрашивала: чего тебе не хватает? Муж молодой, красивый, разумный, работающий, не пьёт, не бьёт, с утра до ночи в трудах по хозяйству. И хозяйство идёт хорошо, скотина ведётся, урожай добрый. Только... Всё её счастье порой Ульянке казалось сном. Иной раз посмотрит она на мужа – в хорошей новой рубаше, светлые кудри расчёсаны на пробор, пояс с кистями собственной её работы. Почти царевич из сказки, а глаза у него как два прозрачных омута. Вглядишься в них – всё расплывётся, и будто не человек перед тобой, а пятно тумана. Иной раз проснётся Ульянка до зари, знает, пора к скотине идти, а кажется ей, что нет у неё ни дома, ни скотины, ни мужа, что по-прежнему она в девках, а всё это замужество с прищельцем безродным – сон.

Полетели жёлтые листья, потом однажды на сером тихом рассвете посыпалась сверху тонкая белая крупа. Вечером,

проходя от родительской избы к себе домой, Ульянка увидела, как Малашка с подругой Фросей считают колья Афана-сьева забора: чёт – нечет, сбудется – не сбудется.

И словно некая дверь открылась в памяти Ульянки. Все-го год назад они с Домной и Малашкой занимались тем же делом – гадали по кольям, только не у Афанасия, а вон там подальше, у Кириллова двора. Домна тоже вышла замуж, перед самой Масленицей – через тётку из Иводи туда её сосва-тали, теперь видятся редко, да и не до прежней болтовни им обеим. Домна скоро уж родит, а Ульянка так и не понесла почему-то. Год назад – а кажется, все десять, – они считали колья и приговаривали, смеясь: вдовец, молодец, кузнец, купец, гонец, беглец... Мертвец... «Вот глупости-то!» – упрек-нула себя прежнюю Ульянка.

Но что-то не давало ей покоя, словно обнаружилась внут-ри непонятная боль: мучает не сильно, но тревожит. Потом они с Домной пошли... Нет, она одна пошла, Домна её толь-ко проводила... Пошла в свою нынешнюю избу, тогда пу-стую, гадать по зеркалу царевны...

От изумления Ульянка взялась за щёку. Такой же вечер ровно год назад вдруг вспомнился ей совершенно ясно. Она забралась тайком в пустую тогда бабкину избу, вынула из сундука старинное зеркало, не побоялась его дурной славы. Заглянула... Она же видела... Лукьяна, мужа своего. Увиде-ла – а он перед Никольщинами и пришёл. Всё, как баба Фе-дора толковала: увидишь жениха, тем и вызовешь.

Но и это не всё. Немного очнувшись, Ульянка побрела к своим воротам. Теперь, когда в доме жили, замки уже не за-
пирались, и валялись они со связкой ключей вместе, где-то
на полке, в большом треснутом горшке. Войдя в избу, она
застала там свет пары свечей. Лукьян сидел на лавке: точил
топор, разбирал какую-то снасть. Ни часа без дела, вот же
молодец.

При звуке открывшейся двери он поднял голову.

– Ты чего такая смурная, Улюшка? С матерью повздори-
ла?

– Нет, нет! – слабо отмахнулась Ульянка, пытаюсь собрать-
ся с мыслями.

Сняла и повесила на крюк у двери полушубок, размота-
ла с головы тёплый уличный платок, повязала поверх повоя
тонкий, домашний. У неё в голове словно образовалось ра-
зом две могучие реки, и каждая текла в свою сторону. Где
правда, где морок? Это же Лукьян, её муж любимый, краса-
вец, удалец. Всегда ей рад, слова худого не скажет. Но она
видела его лицо, искажённое лютой злобой. В зеркале. Когда
он подошёл слишком близко. Подошёл и вынул...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.